

его особенности, которые отличаются от разговорной, индивидуальной, диалектной речи.

Устная речь должна рассматриваться как средство речи, которое принимает близкие нормы письменного языка с точки зрения информации. В исследованиях проведенных до сегодняшнего дня различия между устной и письменной речью не столь очевидны. Таким образом, возникновения спорных аспектов возникающих при применении норм устной речи не избежны. Однако независимости от того, к чему могут привести спорные вопросы, невозможно затмить проблему установления устных норм речи. Как указывают источники, устная речь принимается в качестве языка лекций, конференций, речей, государственных и официальных международных встреч, радио и телевидения. Если устная речь воспринимается здесь как язык информации, то сама устная речь также является формальной. Если это так, то естественно будут существовать отличительные черты устной речи, от разговорной речи. То есть, например, язык выступлений на официальных международных встречах или язык радио и телевидения, с точки зрения нормы нельзя приравнивать с разговорным языком.

Нормы устной речи начали новому этапу развития в период после провозглашения независимости Азербайджанской Республики. Следует отметить, что азербайджанский язык не был официально признан на международной арене до обретения независимости. Кроме того, в высших государственных учреждениях проведенные мероприятия и официальные переговоры провадились на русском языке. Сейчас официальные переговоры ведутся на азербайджанском языке. На конференциях, лекциях, выступлениях, официальных мероприятиях, на радио и телевидении используют традиции письменности в соответствии с формальностями разговорного языка. С одной стороны это хорошо потому что существует тенденция к адаптации между письменным и устным языками, с применением аналогичных норм можно свободно передавать информацию без

помех. На современном языке объем официальных переговоров развивает взаимосвязанные узлы письменным языком посредством норм языка массовой информации. Поэтому регулирование норм устных языковых норм не должно ограничиваться максимально возможным использованием соответствующих письменных языковых норм.

Основным принципом устного языка является создание благоприятных условий для обеспечения его близости к письменному языку. В современном мире сеть письменного и устного общения растет и расширяется, так как интерес к азербайджанскому языку как в стране, так и за рубежом, а также на международной арене возрос. Целью применения устных правил является обеспечение того, чтобы устный язык имел общие принципы для своих пользователей.

Обязательные нормы письменного языка важны для предотвращения неожиданных изменений в языковой структуре, и эта информация может свободно передаваться в течение длительного периода времени. Внедрение обязательных правил на устном языке направлено на то, чтобы информация могла свободно передаваться пользователям языка, участникам официальных мероприятий и международному сообществу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адилов М.И., Вердиева З.Н., Агаева Ф.М. Пояснительные языковые термины. Баку: Маариф, 1989, 364 с
2. Ахундов А. Общая лингвистика. Баку: Маариф, 1970, 263 с.
3. Орфоэпический словарь азербайджанского языка. Баку: "Наука", 1983, 142 с.
4. Демирчизаде А. Современный азербайджанский язык. Баку: Маариф, 1972, 308 с.
5. Фердинанд де Соссюр. Общий Курс лингвистики. Баку: издание БГУ, 2003, 408 с.
6. Орфоэпический-орфографический словарь "TQDK-Абитуриент", 2012, 164 с.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ПО ИХ СЕМАНТИЧЕСКИМ ОСОБЕННОСТЯМ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ФРАНЦУЗСКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ульвия Исмаил кызы Хакимова - Айдын
Диссертант, Института Языкознания имени
Насими Национальной Академии Наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан

INVESTIGATION OF LEGAL TERMS AS AN OBJECT OF LEGAL LANGUAGE (ON THE BASIS OF MATERIALS OF FRENCH AND AZERBAIJAN LANGUAGES)

Ulviyya Ismayil qizi Hakimova-Aydin
Dissertation, Institute of Linguistics named after
Nasimi Of The National Academy Of Sciences
Of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Аннотация

В статье рассматривается анализ типологической классификации по семантическим особенностям юридических терминов, которые составляют вокабулярную часть языка права, исходя из сферы фиксации, а также сферы функционирования, то есть из различных юридических дискурсов. В ходе исследования филологических и юридических словарей было обнаружено, что некоторые термины, так называемые эксклюзивные юридические термины, связаны исключительно с правам и не имеют не какое дополнительное значение вне контекста права. В результате, использование единиц общей лексики и других отраслевых терминологий в качестве юридического термина было обосновано тем фактом, что они имеют особую юридическую определению только в юридическом дискурсе.

Abstract

This article deals with the analysis of typological classification of legal terms - the main units of the legal language – according to their semantic features, on the assumption of the sphere of fixation, as well as of the sphere of function, that is, in various legal discourses. In the study of philological and legal dictionaries, it was found that that some terms, the so-called exclusive legal terms, are exclusively related to the law and do not have any additional significance beyond law. As a result, the use of units of general vocabulary and the terms of other specialized domains as a legal term was justified by the fact that they have special legal definition only in the legal discourse.

Ключевые слова: юридический термин, юридический дискурс, автономно определяемый вокабуляр, юридическое определение

Key words: legal term, legal discourse, auto-defined vocabulary, legal definition

Основная часть юридического языка состоит из юридических терминов. Под юридическим термином понимается «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [2;782]. По поводу анализа юридического термина, в «сфере фиксации», а также в «сфере функционирования» [4;15], говоря словами В.П.Даниленко, то есть его анализа в различных юридических дискурсах, М.Э.Воробьева также подчеркивает, что в связи с тем, что юридические термины, языковые по сути, являются опорными точками в процессе познания правовых явлений, и непосредственно связаны с регулятивной функцией права, возникает необходимость исследовать их не только как единицы языковой системы, но и с точки зрения их реального функционирования, восприятия рядовыми носителями языка [3;183]. В ходе исследования юридической терминологии с помощью филологических, в частности, юридических словарей, возникает вопрос: что можно считать юридическим термином? Все ли слова, данные в юридических словарях, являются юридическими терминами?

Первое что привлекает внимание это, связь некоторых терминов исключительно с правом, то есть они указывают определенное юридическое понятие и не имеют ни какое дополнительное значение вне контекста права. А также они не может иметь метафорических дериваций. Причина этого связана с тем, что эти термины обладают высокой технической точностью, так-как существует тесная взаимосвязь между понятием и словом. Из-за отсутствия эквивалентов таких понятий в повседневной жизни, эти термины не подвергаются метафоризации и становятся специальными элементами юридической системы. Рассмотрим несколько примеров таких терминов во французском и в азербайджанском языках. Необходимо подчеркнуть, что в азербайджанском

языке большинство терминов относящихся исключительно к юридической сфере являются заимствованными из других языков. Во французском и в азербайджанском языках к подобным терминам относятся такие термины, как 1) присущие судебному дискурсу *l'estoppel* – *estoppel* – (эстоппель -лишение права ссылаться на какие-либо факты); *l'exequatur* – *ekzekvatura* (экзекватура -исполнение судебного решения, вынесенного в другой стране); *préjudiciel* – *prejudisial* (преюдициальный) и т.д., 2) относящиеся к праву по кредитам и обеспечениям *le fiduciaire* – *fidusyari* (фидуциарий-лицо, несущее ответственность за доверенное имущество и управляющее им в интересах другого лица); *le cautionnement* (*zaminlik haqqında sənəd, zəmanət* - документ о поручительстве, поручительство); *le warrant* – *varant, zəmanət* (варант, гарантия); 3) относящийся к праву наследования *ab intestat* – *ab intesta* (интестат - умерший без завещания - прим. пер.); *le légataire* (*vəgəsə, varis* - наследник); *le codicille* - (*vəsiyyətnaməyə əlavə, yeni vəsiyyətnamə* - кодициль (письменное дополнение к завещанию, изменяющее существующее завещание)); *le fidéicommiss* – *fideikomis* (фидеикомис - поручение, данное завещателем другому лицу (наследнику) поручение при кончине); 4) относящиеся к различным областям права – *le criminaliste* – *kriminalist* (криминалист); *l'arrêstiste* (*məhkəmə qərarlarını şərh edən hüquq məsləhətçisi* - юридический консультант, разъясняющий судебные решения); *la flagrance* – *cinayətin şübhəsizliyi* (несомненность преступления); *le contumax* (*məhkum* - осужденный) и др.

В связи с терминами рассматриваемые нами возникает следующий вопрос. Действительно ли термины, которые используются только в юридической сфере, и которые обладают высокотехнической точностью, являются основой права и, в результате, становятся основными представителями юридической системы?

Даже такие термины подвергаясь

детерминологизацию, могут образовать фразеологических сочетаний. Во французском и в азербайджанском языках в юридический словарь входят такие базовые термины как 1) *le droit – hüquq* (право); *la justice – ədalət* (справедливость); *la loi – qanun* (закон); *valide – etibarlı, qanuni, qanuniləşdirilmiş* (действительный, законный, узаконенный); *l'autorité – hakimiyyət* (власть); *le gouvernement – hökumət* (правительство); 2) относящиеся к судебному дискурсу *le juge – hakim* (судья); *l'avocat – vəkil* (адвокат); *le procès – proses* (процесс); *l'audience – dinləmə* (выслушивание); *le témoin – şahid* (свидетель); *la décision – qərar* (решение); 3) выражающие главные акты *le contrat – müqavilə, saziş* (договор, соглашение); *le décret – dekret* (декрет); *l'arrêt – 1)həbs etmə* (арест) 2) *qərar* (решение); *le testament – vəsiyyətnamə* (завещание); *l'accord – müqavilə* (договор); и ряд других *la crime – cinayət* (преступление); *la peine – cəza* (наказание); *la patrimoine – irs, miras* (наследство); *l'héritage – miras, varislik* (наследство, наследие); *la divorce – boşanma* (развод); *la tutelle – qəyümlük* (опекунство) и т.д.

Такие термины преимущественно понимаются в своем прямом значении. Это является подтверждением точности, не лишности технического значения указанных терминов (судья, адвокат, свидетель, наследник) и указывает на то, что каждый человек обладает юридическим мышлением. Являясь показателями юридического мышления эти термины выражают понятий связанные с ежедневной правовой жизнью, и в результате, данная лингвистическая база составляет в социальном сознании и в юридическом смысле основу и элементарный терминологический багаж права.

Однако юридическая терминология не ограничивается сугубо правовыми терминами и ключевыми словами юриспруденции. Сфера охвата этой области столь обширна, что здесь широкое место занимают и общеупотребительные слова и термины относящиеся к другим отраслевым терминологиям. В юридической терминологии такие общеупотребительные слова и принадлежащие к другой отраслевой терминологии термины (психологическая, медицинская, экономическая, и пр.) используются не меняя ни в коей форме свое значение.

Анализируя юридических словарей как можно было заметить, что пласт юридической терминологии чрезвычайно обширен и это обширность создает некое запутанность. На наш взгляд первый шаг который должен быть предпринят для осознания этой обширности терминов это обратиться к тематическим группам юридической области и рассматривать их в юридических дискурсах. Этот шаг несколько прояснит процесс терминологизации этих слов.

Рассмотрев, прежде всего, основные области внутреннего законодательства обеих стран, мы увидим, что основную часть специального права которая непосредственно связана с личностью, составляющего и регулирующего его

существование и деятельность составляет гражданское право. В части о права личности гражданского права говорится о правилах, регламентирующих отношения индивидов с другими представителями общества с момента рождения и до смерти. В число таких правил входят правила, регулирующие половые отношения, брачные отношения между мужчинами и женщинами, родственные отношения, возникшие в результате этого брачного союза, узы рожденных в браке или вне брака детей и родителей. Анализируя соответствующие законодательные тексты Франции и Азербайджана мы видим, что при правовом регулировании таких вопросов как отношение между родителем и ребенком, обязанности родителей и прав детей, правовое толкование брака и т.д., общеупотребительные слова «*valideyn* (родитель) – *les parents*», «*uşaq* (ребенок) – *l'enfant*», «*nikah* (брак) – *le mariage*», используемые в прямом значении, то есть не подвергаясь семантическим изменениям, обретают правовой смысл и статус в юридической терминологической сфере, и будучи юридическими терминами, начинают нести особую функцию и приводят к образованию системы таких определенных понятий, как «*valideynlik hüquqlarının müdafiəsi*» (защита родительских прав), «*valideynlik hüququndan məhrum etmə*» (лишение родительских прав), «*uşağın mənşəyinin müəyyən edilməsi*» (определение происхождения ребенка), «*uşağın ailədə yaşamaq və tərbiyə olunmaq hüququ*» (право ребенка жить и воспитываться в семье), «*nikahın bağlanması – contracter mariage*» (заключение брака), «*nikaha xitam verilməsi – la dissolution du mariage*» (расторжение брака), «*nikahın etibarsız sayılması – la nullité du mariage*» (признание брака недействительным), и пр. [8, 9]. А также, опираясь на идею «термин отличается от слова, имеющего естественный смысл тем, что обладает условным значением» [6;120], становится понятным, что мы имеем дело с различными назначенными понятиями в дискурсах «Дети играют во дворе», «В развитии детской личности нравственные, национальные и религиозные принципы, мифы усиливают индивидуализацию его личности,...» [7; 10] и «пострадавшие от жестокого обращения дети» и даже «рожденные вне брака дети». В первом случае в общем смысле повествуется о малолетних детях и группе детей. Во втором случае, в психологии речь идет не о качестве быть «малолетним человеком» который по своим физическим и психическим возможностям ограничены по сравнению со взрослым человеком, но о качестве быть ребенком который опережая взрослых по своим темпам развития, показателям динамики, по темпам развития своих психических и физических возможностей развивается от уровня биологического существа и индивида до социального существа и личности [7; 9], а в третьем случае обуславливаются в широком смысле слова о малолетних, защищенных законом, а в узком смысле слова о родственности по нисходящей

линии. Кроме этого, отличия в определении возрастного предела ребенка в обеих областях существует различные дефиниции этого понятия. При определении детского периода и возраста в психологии принимаются во внимание такие аспекты как речь и мышление, эмоциональные проявления, волевые действия, попытки и интересы, характерные признаки и способности [7; 21]. Однако в праве это определено конкретно – не достижения 18 летнего возраста и не обладание полного дееспособности. Например, “*Hər bir insan 18 yaşına çatanaqədər bu Konvensiyanın məqsədləri üçün uşaq sayılır, bir şərtlə ki, həmin uşaq barəsində tətbiq edilən qanuna görə o, yetkinlik yaşına daha əvvəl çatmış olmasın*” (Для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее) [10; статья 1], Можно прийти к выводу о том, что общеупотребительная лексика, применяемая в областной терминологии определяется или обуславливается дефиницией, данной этому понятию в данной области. Как отмечалось, относящиеся не только к общеупотребительной лексике, но и другой отраслевой терминологии термины, не подвергшиеся смысловому изменению, используются как юридические термины. Например, обратим внимание на другую область, где применяются медицинские термины – биомедицинское право. По словам А. Мустафаевой, право на защиту здоровья человека создает соответствующие права для отдельных лиц в соответствующей области общественных отношений и устанавливает соответствующие должности для государственных органов [5; 39]. Она подчеркивает, что «развитие медицины и проводимые с участием человека биомедицинские исследования и биотехнологический прогресс приводят к формированию таких новых понятий, как репродуктивные технологии, медицинская генетика, геновая инженерия, клонирование, трансплантация органов, что становится причиной создания таких этико-моральных дискуссий, биоэтических проблем, как искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, лечение болезней применением эмбриональных клеток, уничтожением жизни одного человека для спасение жизни другого. А это порождает необходимость регулирования проблемы юриспруденцией, то есть создание правовой базы этих понятий. Таким образом, юриспруденция, тесно связанная с морально-этическим регулированием, старается не отставать от биомедицинских наук, так как в противном случае честь и достоинство человека в достаточной степени защищено быть не может» [5; 57]. Основной причиной использования таких терминов, как «технические термины» в правовом дискурсе, является отсутствие какой-либо научной, технической, социальной или общественно-направленной области, которые могут избежать правового вмешательства и регулирования, и,

следовательно, неизбежно использование терминов таких областей, которые были предметом правоприменения [1;38]. По этой причине в пределах юридического дискурса мы сталкиваемся с терминами, выражающими понятия связанные с биомедициной и с существующими новыми биомедицинскими технологиями. Например, “*En cas de procréation médicalement assistée avec tiers donneur, aucun lien de filiation ne peut être établi entre l'auteur du don et l'enfant issu de la procréation*”. (При проведении искусственного оплодотворения при участии третьего лица, между донором и искусственно оплодотворенным ребенком никаких родственных связей установлено быть не может). [8; статья 311-19] “*Süni mayalanma və embrionun implantasiyası ər və arvadın (tənha qadının) rəsmi razılığı olduqda aparılır. Süni mayalanma, embrionun implantasiyası, eləcə də donorun şəxsiyyəti həkim sirridir*” (Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона проводится с официального согласия мужа и жены (одиноким женщины). Искусственное оплодотворение, имплантация эмбриона, а также личность донора являются врачебной тайной) [11; статья 29]. Из этих предложений ясно видно, что такие медицинские термины, как “*süni mayalanma – la procréation médicalement assistée*” (искусственное оплодотворение), “*embrionun implantasiyası – l’implantaton de l’embryon*” (имплантация эмбриона), “*donor – le donneur*” (донор) хотя и не потеряли своего прямого значения, речь здесь идет не об этой медицинской деятельности, но о регулировании медицинской деятельности в рамках «запрещающих и обвиняющих» и «защитных» принципов права [5; 16].

В обосновании происхождения подобного типа юридических терминов также очень интересно мнение Дж.Хамбли. В целом, подчеркивая существование три модели терминологии – научной, технической и юридической терминологии – Дж.Хамбли утверждает что юридическая терминология отличается от других двух моделей по своей функцией. Он считает, что легитимизация этих терминов исходит из их введения в функционирование органов власти, например, государства или же официальной инстанции. «Иногда эта терминология называется автономно определяемым вокабуляром. Так как, используемое для страховых потребностей термин *стихийное бедствие* определяется в законодательных текстах, и именно эти дефиниции являются тем, что определяет выдачу или невыдачу компенсаций жертвам урагана. Этот термин уточняется именно административным актом – заявлением. Если ураган не будет объявлен стихийным бедствием, то с юридической точки зрения вне зависимости от степени ущерба, причиной которого он стал, он остается обычно ураганом» [6; 122].

Таким образом, с одной стороны, определение юридических областей, то есть выявление тематических групп, и уточнение с дополнительными определениями значений

общеупотребительных слов используемых в юридических дискурсах или текстах, вследствие сознательного вмешательства специалиста, то есть обладание этих слов условного значения, с другой стороны, обусловленность используемых общеупотребительных слов и других отраслевых терминов юридическими дискурсами или текстами, в некотором роде их «автоопределение» в этих дискурсах дает возможность прояснить и обосновать происхождение данной терминологии и провести типологическую классификацию юридических терминов по их семантическим особенностям.

Таким образом, в юридической терминологии наряду с сугубо юридическими терминами и ключевыми юридическими терминами которые являются рабочими членами общего языка существуют такие термины которые принадлежат к общелитературной лексике и получив специального определения в юридическом дискурсе получают статус юридического термина. В том числе существуют «автономно определяемые» юридические термины. Термины, принадлежащие к последней группе это слова общеупотребительной лексики и «технические термины» которые используются без изменения значения и просто являются предметом юридического регулирования.

Литература:

1. Алиева С.Р. Язык судебных документов Азербайджана. Дисс. на соис. уч. степ. канд. филол. наук, Баку: – 2002. – 123 с.
2. Большой юридический словарь. под редакцией А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина, В.Е.Крутских. - М.: ИНФРА-М. – 2009. – 790 с.
3. Воробьева М.Е. Юридическая терминология: Системоцентрический и антропоцентрический подходы. - Вестник КемГУ. – 2013. – №2 (54). – Т.1. - с.183-185
4. Даниленко В.П. Русская терминология. Москва: –1977. – 246 с.
5. Мустафаева А., Ахмедов И., Бандалиева А., Джафарова Л. Биоэтика, медицинское право и новые технологии. - Баку: Институт Человеческих Прав Национальной Академии Наук Азербайджана. – 2013. – 358 с.
6. Humbley J. La legitimisation de la terminologie. - Semiotiques. - décembre –1996. – pp.119-136
7. <http://dushunce.az/files/documents/U%C5%9Faq-psixologiyas%C4%B1.pdf> 26.12.2019
8. Code civil de France. <http://codes.droit.org/CodV3/civil.pdf> 16.10.2019
9. Семейный кодекс Азербайджанской Республики. <http://www.e-qanun.az/code/10>
10. Конвенция о правах детей. https://www.migration.gov.az/content/pdf/5acb09f3100d0_U%C5%9Faq%20h%C3%BCquqlar%C4%B1%20haqq%C4%B1nda%20Konvensiya.pdf 26.12.2019
11. Закон Азербайджанской Республики об охране здоровья населения <http://www.e-qanun.az/framework/4078>

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ, ОСТАВИВШИХ СЛЕД В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Халилова Айну́р Гёюш кызы

Диссертант, Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Баку, Азербайджан

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF VERBS THAT LEFT THEIR MARK IN DIALECTS AND DIALECTS OF THE AZERBAIJANI LANGUAGE

Aynur Goyush qizi Xalilova

Dissertation, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

Аннотация

В статье на материалах диалектов и говоров современного азербайджанского языка исследуются фонетические, грамматические и лексические диалектизмы. Материал диалектов сопоставляется с данными памятника древнетюркской письменности и нормами современного литературного языка

Abstract

The article examines phonetic, grammatical and lexical dialects based on the materials of dialects and dialects of the modern Azerbaijani language. The material of dialects is compared with the data of the ancient Turkic writing monument and the norms of the modern literary language

Ключевые слова: азербайджанский язык, диалекты, фонетические, грамматические и лексические диалектизмы.

Key words: Azerbaijani language, dialects, phonetic, grammatical and lexical dialect.

Известно, что под определение диалектных слов и говоров попадают слова, которые употребляются на ограниченной территории. В азербайджанской лингвистической литературе

диалектизмы считаются нелитературными элементами и различают следующие их виды: фонетические диалектизмы, грамматические диалектизмы, лексические диалектизмы (1,97)